

На правах рукописи

ОНДАР Менги Васильевна

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ТУВИНСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ
СКАЗАНИЙ

(в сопоставительном аспекте)

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(тувинский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2020

Работа выполнена на кафедре тувинской филологии и общего языкознания
ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Научный руководитель: **Бавуу-Сюрюн Мира Викторовна,**
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры тувинской филологии и
общего языкознания ФГБОУ ВО
«Тувинский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Шамина Людмила Алексеевна,**
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник сектора
языков народов Сибири ФГБУН Институт
филологии СО РАН

Саая Оюмаа Маадыр-ооловна,
кандидат филологических наук, ведущий
научный сотрудник группы словарей
ГБНИиОУ «Тувинский институт
гуманитарных и прикладных социально-
экономических исследований при
Правительстве Республики Тыва».

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Северо-Восточный
федеральный университет имени М. К.
Аммосова».

Защита состоится «28» января 2021 г. в 12.00 на заседании диссертационного
совета Д 002.006.01 при ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 125009,
г.Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1., конференц-зал. С диссертацией можно
ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт языкознания РАН и на сайте ФГБУН
Институт языкознания РАН <http://iling-ran.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Девяткина Е.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено выявлению и изучению особенностей языка тувинских героических сказаний (ТГС) в сравнении с текстами героических сказаний южносибирских тюркских народов: алтайцев, хакасов, шорцев. Для сравнения также привлекаются тексты монгольского героического эпоса и сказочных произведений тувинского фольклора.

Тувинские героические сказания, как и все эпические произведения устного народного творчества любого народа, являются объектом нематериального культурного наследия его носителей – тувинцев.

Тувинский народ или тувинцы – малочисленный народ, проживающий в Республике Тыва, расположенной на территории Южной Сибири (бассейн Верхнего Енисея). Кроме территории Российской Федерации тувинцы проживают в Монголии и Синь-Цзянь Уйгурском автономном округе КНР. По переписи населения России в 2010 г. численность тувинцев в России составляет 210 000 человек; по данным ученых, исследующих язык, фольклор и культуру этнических групп в Монголии и Китае: в Монголии проживает не более 8 000 тувинцев, в Китае – около 2 500 человек [Бавуу-Сюрюн М., Бавуу-Сюрюн Б. 2018: 21; Юша 2018: 32].

Степень разработанности темы исследования. В тувиноведении поэтапно проводится определенная работа по изучению тувинских героических сказаний, как фольклорного жанра с момента создания Ученого комитета, впоследствии преобразованного в Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (далее – ТНИИЯЛИ). Первый этап такой работы характеризуется сбором и фиксацией образцов фольклора и его подготовкой к печати. Кроме таких ученых ТНИИЯЛИ, как О. К.-Ч. Дарыма, Д. С. Куулар, А. К. Калзан, принимали участие в работе по сбору и фиксации фольклорных образцов преподаватели Кызылского государственного педагогического института (ныне – Тувинский государственный университет), студенты, писатели, журналисты и сами сказители.

Работа по изучению тувинских героических сказаний была проделана С. М. Орус-оол. Ее монографические работы [Орус-оол 1987, 2001] были посвящены исследованию художественно-

поэтических особенностей тувинских героических сказаний. Ею были осуществлены работы по обработке массивных текстов ТГС в соответствии с требованиями, предъявляемыми к таким работам. Данные тексты были опубликованы в серии «Тыва улустун аас чогаалының тураскаалдары» («Памятники устного народного творчества тувинцев») [1990, 1993, 1994, 1995, 1996, 2012, 2014] и в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока: Тувинские героические сказания» [1997]. Общеизвестно, что работу по созданию данной серии возглавлял А. Б. Соктоев, затем продолжил Н. А. Алексеев, ныне Е. Н. Кузьмина.

В рамках историко-этнографического исследования героические сказания тувинцев были рассмотрены Л. В. Гребневым [1960] и С. И. Вайнштейном [2009], которые предприняли попытки установить периоды сложения тувинских героических сказаний.

В области лингвистики к настоящему времени увидели свет ряд статей, в которых рассматриваются отдельные вопросы языка героических сказаний: анализ лексем с пространственным значением [А. Хертек 2015, Ондар 2016], репрезентации отдельных концептов в текстах сказаний [Лид. К. Хертек 2015а, 2015б, 2017, 2018а, 2018б], иппонимов [Люб. К. Хертек 2017].

Особенности отдельных грамматических форм эпических текстов были объектом исследований Л. А. Шаминой [2006, 2013, 2019], А. В. Байыр-оол [2013].

Таким образом, тувинские героические сказания были объектом специального исследования фольклористов. А некоторые вопросы, касающиеся языка героических сказаний, были описаны в отдельных статьях. Работы по выявлению лексико-семантических групп слов, характерных для текстов героических сказаний, определению языковых особенностей текстов ТГС до сегодняшнего дня не проводились.

Актуальность нашей работы определяется отсутствием в тувиноведении монографических исследований по языку тувинских героических сказаний. Она актуальна также в свете прерывающейся традиции исполнения тувинских героических сказаний.

Источниками материала исследования явились тексты тувинских героических сказаний в количестве 38 единиц, опубликованные в разных сборниках: «Тыва тоолдар» [1955],

материал собран А. К. Калзаном; в серии «Тыва улустун аас чогаалының тураскаалдары («Памятники устного народного творчества тувинцев»)): «Тыва маадырлыг тоолдар. Том I» («Тувинский героический эпос. Том I») [1990], «Алдай-Буучу. Том II» [1993], «Далай-Байбың-Хаан. Том III» [1994], «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей. Том IV» [1995], «Ары-Хаан. Том V» [1996]; серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Тувинские героические сказания» [1997]; «Тыва улустун тоолдары» («Тувинские народные сказки») [2012], «Тыва тоолдар» («Тувинские сказки») [2014] и др. (полный список текстов тувинских героических сказаний в Приложении 2). Все тексты переведены в электронный формат и по ним составлены базы данных ТГС (эл. адрес ТГС и баз данных: <http://tuvancorpus.ru/?q=content/antroponimy-v-tuvinskom-geroicheskom-epose>)

В качестве **материала сравнения** взяты тексты героических сказаний тюркских народов Южной Сибири из двуязычных параллельных текстов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын»; хакасский эпос «Ай-Хуучин» и шорские героические сказания «Кан Перген» и «Алтын Сырык». Также проанализированы двуязычные издания алтайского эпоса «Маадай-Кара» [1973], хакасского героического эпоса «Алтын-Арыг» [1973] из серии «Эпос народов СССР».

Кроме того, местами привлекались материалы из текста монгольского героического сказания «Алтын Гургулдай» [1970], «Эрийн сайн Хан Харангуй» в оригинале [1970]. Последнее сказание имеется в нашем распоряжении в 2-х видах: в переводе на тувинский язык под названием «Эрниц экизи Хан Харангуй» [1976] и в заимствованном устном кратком переложении на тувинский язык «Хаан-Караңгай» [ТУТ, 2012: 155-176]. Оригинальные монгольские тексты на тувинский язык были переведены У. Цэцэгдарь и Б. Баярсайханом, за что автор работы выражает свою благодарность. Отдельные фрагменты монгольских героических сказаний переводились самим автором диссертации при помощи словарей.

Главной идеей, выраженной в диссертационной работе, является видение в языке ТГС реализации внутренних ресурсов

самого тувинского языка, представления его выразительных средств для передачи актуальных для его носителей значений и представлений в свете сопоставления с языком аналогичных эпических произведений родственных сибирских тюркских народов и монгольского народа, с которым на протяжении всей своей истории тувинцы имели культурно-исторические и языковые контакты.

Объектом исследования является язык героических сказаний тувинцев и южносибирских тюркских народов.

Предметом исследования являются лексические, грамматические и структурно-композиционные особенности построения текстов тувинских героических сказаний.

Целью исследования является описание языковых текстов тувинских героических сказаний и сказаний южносибирских тюркских народов. Данная целевая установка определила решение следующих **задач**:

– Выявить лексические особенности языка героических сказаний;

– Сопоставить лексические особенности языка тувинских героических сказаний с аналогичными языковыми явлениями в текстах героических сказаний южносибирских народов (алтайцев, хакасов, шорцев);

– Изучить структуру текстов героических сказаний в исследуемых языках для выявления общих и различных признаков.

Для достижения поставленных задач были использованы различные **методы**, соответствующие комплексному характеру данного исследования: методы корпусной лингвистики при сборе материала из текстов тувинских героических сказаний с использованием программы AntConc для проведения компонентного и дистрибутивного анализа, а также статистики. Для этого был переведен на цифровой формат весь имеющийся корпус текстов тувинских героических сказаний. Также были использованы сравнительно-сопоставительные методы для выявления особенностей языка тувинских героических сказаний в сравнении с героическими сказаниями алтайцев, хакасов и шорцев.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что результаты работы могут быть использованы в сравнительно-исторических и сопоставительных

исследованиях тюркских языков, в лексикографической практике, в частности, при составлении переводных словарей, в практике преподавания тувинского языка и фольклора в вузе и школе, в разработке спецкурсов и спецсеминаров. Работа может быть интересна для специалистов, занимающихся исследованием языка и культуры тюркских народов Сибири, в преподавании тувинского языка и фольклора в школе и вузе.

Базы данных будут служить для дальнейшего продвижения информационных технологий в гуманитарных исследованиях, что будет способствовать интенсификации и совершенствованию первичной обработки материалов, убедительным доказательством достоверности результатов исследований.

Теоретико-методологической базой исследования послужили следующие работы:

– в области общего языкознания и лингвофольклористики: В. В. Виноградова [1959], А. П. Евгеньевой [1963], А. В. Десницкой [1970], П. Г. Богатырева [1973], Е. Б. Артеменко [1977, 1985], А. Н. Кононова [1978], А. Т. Хроленко [1981, 1992, 2005, 2006, 2010], Ж. М. Гужеева [1985];

– по теории текста: Н. С. Валгиной [2004], И. Р. Гальперина [2006], З. Я. Тураевой [2009], А. Ф. Папиной [2010];

– в области урало-алтайских языков: Е. И. Убрятовой [1970, 1976], общие работы московских тюркологов по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков СИГТЯ [1997, 2001, 2006], М. И. Черемисиной и других [1984, 1986], Л. А. Шаминой [1987], М. А. Бобуновой [2004, 2006], А. А. Зализняк [2007], А. В. Дыбо [2007], И. В. Кормушина [2008], А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской [2014] и др.

– в области фольклористики: А. Н. Веселовского [1940], И. А. Оссовецкого [1952, 1979], В. Я. Проппа [1958, 1976, 1998], Е. М. Мелетинского [1963, 1988, 2005], В. М. Гацака [1967, 1971], В. М. Жирмунского [1974], Л. А. Астафьевой [1981], С. Ю. Неклюдова [1984], А. В. Кудиярова [1984; 1986; 2002], В. П. Аникина [1984], С. С. Суразакова [1985], А. Б. Лорда [1994], Б. Н. Путилова [1997], С. М. Орус-оол [2001], З. С. Казагачевой [2002], К. В. Чистова [2005], Е. Н. Кузьминой [2005], К. Райхла [2008] и др.

Также при анализе языка героических сказаний, передающихся из уст в уста и отражающих традиционное мировоззрение, мировосприятие этноса, были проработаны труды в области этнографии, культурологии и этномузыки тюрко-монгольских народов: С. И. Вайнштейна [1961, 1991, 2009], Н. Л. Жуковской [1988, 2002], И. В. Октябрьской, А. М. Сагалаева, М. С. Усмановой [1988], З. К. Кыргыз [1997], В. К. Даржа [2007; 2009] и др.

Для данного исследования были важны наблюдения и выводы в специальных исследованиях:

– О. В. Субраковой [1978; 2007], Л. Л. Габышевой [1986], Е. И. Избековой [2000], Д. М. Токмашева [2005], Л. В. Роббек [2014], Ю. П. Борисова [2017] и других на материале героических сказаний тюркских народов Сибири;

– Б. Х. Тодаевой [1976], А. Ж. Шериева [1991], Г. Ц. Пюрбеева [1993], Л. И. Буяхаевой [2000, 2006], Катуу Балчигийн [2013] и других на материале героического эпоса монгольских народов;

– Т. А. Павлюченковой [1984], З. М. Петеновой [1985], М. А. Бобуновой [2006] и других на материале русских былин.

Научная новизна исследования заключается в том, что данная работа в тувиноведении является первой попыткой монографического изучения особенностей языка тувинских героических сказаний в сравнительном аспекте. Выявлены общие с алтайским, хакасским, шорским и монгольским языками способы и средства выражения сравнения в текстах эпических сказаний, а также особенности, присущие только тувинским эпическим текстам.

Впервые было доказано присутствие в корпусе текстов тувинских героических сказаний текстов, заимствованных устным путем из монгольского языка, которые были отнесены к тувинским. Определена относительная хронология текстов тувинских героических сказаний на основе их лексических, грамматических особенностей.

Важным преимуществом данной работы состоит в том, что она проводилась на материале фольклорного подкорпуса Электронного корпуса текстов тувинского языка (<http://www.tuvancorpus.ru/?q=node/25>). Для этого автором работы

были переведены 38 текстов тувинских героических сказаний в электронный вариант, а также составлены паспорта текстов тувинских героических сказаний. На их основе были составлены базы данных собственных имен персонажей, клише и стандартных фраз. Такая работа в дальнейшем позволила нам работать на материале текстов тувинских героических сказаний в автоматизированном виде с использованием компьютерных программ, что обеспечило высокую достоверность и доказуемость выдвигаемых положений исследования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Язык тувинских героических сказаний обнаруживает общие черты с языком героических сказаний родственных южносибирских народов, а также с языком эпических произведений монгольского народа, связанных культурными и историческими контактами. При этом язык тувинских героических сказаний имеет свои лексические и структурные особенности, отражающие традиционный уклад жизни и мировосприятие тувинцев.

2. В тувинских героических сказаниях используются многокомпонентные (от 3 до 9 компонентов) личные имена, включающие в свой состав кличку коня героя, что отличает язык героических сказаний от других жанров тувинского фольклора. Многокомпонентные собственные имена, включающие в свою структуру от 5 компонентов, являются богатырскими именами главных персонажей. Такие имена встречаются в тексте эпоса в определенных стандартных местах: при имянаречении, при знакомстве, при наречении именем главного героя и его представлении как грозного героя. Многокомпонентные личные имена богатырей-героев являются маркерами высокого стиля вместе с определенными глаголами и частицами.

3. В составе многокомпонентных личных имен героев тувинских героических сказаний имеются титулы, заимствованные с монгольского героического эпоса, не встречающиеся в алтайских, хакасских и шорских сказаниях.

4. Состав слов военной лексики, клише с заимствованной из монгольского языка лексикой, антропонимы с непрозрачной семантикой с точки зрения тувинского языка дают возможность определить относительную хронологию создания текстов тувинских эпических сказаний.

5. В текстах тувинских сказаний, как правило, употребляются формы глагола на =*n-тыр*, =*ган* в сочетании с частицами *иргин*, *эвеспе*, *чүвең иргин*, *чүвең иргин ийин*, *чүвең эвеспе*. Данные аналитические формы сказуемого с цепочкой частиц в составе клише отличают язык тувинских героических сказаний от других текстов тюркских эпических сказаний народов Южной Сибири.

6. Язык тувинских героических сказаний отличается наличием значительного количества монгольских заимствований, как в области лексики, так и на уровне текста, что заметно отличает его от аналогичных текстов алтайского, хакасского и шорского языков.

7. Каждый язык выработал только свойственные ему клише в текстах сказаний. Они отличаются собственным набором стандартных фраз и их лексическим наполнением. В свою очередь лексическое наполнение текстов зависит от культурных традиций народа.

8. Особенности структуры текстов тувинских героических сказаний являются 1) междометие *шыяан*, *шыяан ам*, сигнализирующее о начале; 2) ответная реплика слушателя *шыята*; 3) междометие *оо* в концовке, сигнализирующее о завершении сказания и имеющее особую интонацию. А в алтайском тексте междометие *оо* встречается в начале текста и имеет варианты *уу*, *аа*, *ээ*. Тексты хакасских и шорских сказаний начинаются с описания времени, характерных библейским описаниям о сотворении мира.

9. Структура текста алтайских эпических произведений отличается от структур текстов других героических сказаний южносибирских тюркских языков, но в то же время объединяет его с языком героических сказаний тувинцев Цэнгэла и урянхайцев Западной Монголии наличием Хвалы Алтаю, предваряющим текст.

10. Обращением к товшууру (музыкальному инструменту кайжы) и слушателям в начале и конце текста отличаются алтайские тексты от тувинских, монгольских и хакасских сказаний. В тувинских же текстах могут встретиться небольшие ремарки сказителя.

Апробация исследования. Основные результаты исследования излагались на конференциях разного уровня: на 53-й международной научной студенческой конференции «Студент и

научно-технический прогресс» [Новосибирск, 2015]; ежегодной научно-практической конференции «Сатовские чтения» [Кызыл, 2015-2017]; ежегодной научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых Тувинского государственного университета [Кызыл, 2015-2019]; во всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Уральские и алтайские языки» [Томск, 2017]; международной научной конференции «Современные этнические процессы и тенденции в Центральной Азии и Монголии» [Улаан-Батор, 2018], в XI конгрессе по этнической психологии и культурной антропологии «Степная цивилизация – 2018 г. Земля предков: традиции и новации в социально-культурном развитии общества» [Кызыл, 2018]; во всероссийских научных конференциях «Родные языки тюркских народов Сибири в современном изменяющемся мире: перспективы научных исследований, документирование, преподавание» [Кызыл, 2019]; «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» [Новосибирск, 2019]; «Актуальные проблемы уральских и алтайских языков» [Томск, 2019].

По теме диссертации опубликованы 9 работ, в том числе 4 статьи, в журналах, рекомендованных ВАК; составлены 3 базы данных, приравняваемых к публикациям ВАК.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка условных сокращений, списка использованной литературы, списка источников и 4 приложений. Основной текст изложен на 171 странице.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность и новизна проведенного исследования, излагаются его цель и задачи, определяются объект и предмет исследования, перечисляются примененные методы, определяются теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации диссертации.

В главе 1 «Теоретические предпосылки исследования» содержится обзор литературы и определяется теоретическая база исследования, истолковываются основные понятия, используемые в нем. Обосновывается примененный в данной работе междисциплинарный подход, активно используемый в лингвофольклористических исследованиях.

В тувинской фольклористике термины *эпос* и *сказание* используются как синонимы, а в самом тувинском языке укрепился термин *маадырлыг тоол* ‘героическое сказание’ букв. ‘богатырь, герой=имеющая сказка’; традиционное народное название – *узун тоол* ‘длинная сказка’. В алтайском используется термин *кай чӧрчӧк* ‘сказка, исполняемая каем’, где *кай* – особое горловое пение, которым алтайские сказители исполняют героический эпос. В хакасском используется термин *алыптыг нымах* букв. ‘сказание о богатыре’. А в шорском – *алыптыг ныбақ* ‘героическое сказание’, где слово *алып* является древнетюркским словом в значении 1. ‘меткий стрелок’; 2. ‘герой, богатырь, витязь’ [ДТС 1969: 36].

Так, в хакасском и шорском сохраняется древнетюркское *алып* ‘герой, богатырь’, а в тувинском языке тюрко-монгольское *маадыр* ~ *баатар* ~ *батыр* [ЭСТувЯ IV: 21; ДТС 1969: 89], а тувинское *тоол* сближается с монгольским *тууль* и вместе объединяются в другую группу, лишь алтайское название *чӧрчӧк* стоит особняком.

В главе 2 «Лексические особенности языка тувинских героических сказаний» анализируются ономастическая, военная лексика, характерная для языка ТГС в сопоставлении с аналогичной лексикой в текстах сказаний южносибирских тюркских народов.

Одной из главных лексических особенностей ТГС представляют собственные имена персонажей. В 38 текстах ТГС встречается 439 таких имен, отличающихся своей многокомпонентностью. Больше всего в текстах используются 2-х (163 или 37 % из 439) и 3-х компонентные (140 или 32 % из 439) личные имена.

Имена, состоящие от 5 компонентов, являются богатырскими именами и употребляются только в определенных ситуациях и позициях в текстах: 1) в начале текста, когда сказитель

представляет героя аудитории для воздействия на слушателя: *Сес сая ара-албатының бажын тудуп чагырган, чүглүг чалгынныг куш ужул четпес, дүктүг даванныг мал маңнап четпес Каңгай-Кара аъттыг Тавын-Хаан чурттап чораан чүвең иргин* ‘Жил-был управляющий восьмимиллионными поддаными, Тавын-Хаан, обладающий конем Кангай-Кара, которого не достигают птицы с перьями, животные с волосистыми конечностями’; 2) при представлении героя самого себя своим противникам или другим персонажам с целью воздействия на их психологическое состояние: *Ак-Хемни эжелей чурттаан / Мөге Баян-Тоолай адалыг / Туман-Кыскыл аъттыг / Мөге Сагаан-Тоолай мен мен* ‘Это я (букв. ‘я есть я’) Мөге-Сагаан-Тоолай, обладающий конем Туман-Кыскыл / с отцом Мөге Баян-Тоолай / проживающий на земле Ак-Хем’; 3) при наречении именем главного героя: *Ашак-даа тургаш, / Аъдын, бодун үш долгандыр / Шинчип көрүп-көрүп туруп-тур. / “Оок, менне болзумза, уругларым, / Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара-Мөге дize / Кандыгыл, мооңар? – деп / Туруп-тур эвеспе аан”* ‘Старик поднялся, / Коня и самого мальчика / Трижды кругом обошел, / Внимательно осмотрел. / “Я бы, дети мои, / Назвал его Хунан-Кара-Мөге, обладающий конем Арзылан-Кара, / Как вам [имя]?” – сказал, оказывается’.

Общая модель богатырского собственного имени выглядит таким образом: «*кличка коня + лексема аът ‘конь’ с аффиксом =лыг + основное имя*».

Как средство выражения высокого стиля, эпическое богатырское имя главного персонажа выступает в сочетании с глаголами высокого стиля *моорлаар* ‘пожаловать’, *бараалгаар* ‘наносить визит, представляться’, *саадаар* ‘располагаться’: *Даш-Хүрең аъттыг Танаа-Херел / Белгечиниң оглу Бедик-Хүрең аъттыг / Бели-Шынар бег олар / Моорла=п кээп-тирлер эвеспе* ‘Пожаловали они – Танаа-Херел с конем Даш-Хүрен / сын Белгечи – Бели-Шынар с конем Бедик-Хүрен’.

В остальных случаях, в процессе повествования, в тексте сказания в качестве собственного имени главного персонажа используется только основное имя, представляющее собой либо 2-компонентное, либо 3-компонентное образование. Например: в тексте «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей» употребляется в вышеуказанных случаях как *Бора-Шокар аъттыг Бокту-Кириш* 8

раз, а в остальных местах – только основное имя *Бокту-Кириш* 279 раз.

Было выявлено, что в тувинских текстах встречаются имена с непрозрачной семантикой с позиций тувинского языка, которые проникли в тувинские тексты с монгольского языка. Например: в тексте «Ары-Хаан»: *Хан-Шилги аъттыг Хан-Сайын-Ховугун* ‘Хан-Сайын-Ховугун с конем Хан-Шилги’ (букв. *хан* ‘кровавый’, *шилги* ‘рыжий’, *аъттыг* ‘с конем’, *сайын* – монгольском ‘храбрый’, *ховугун* – семантика слова с точки зрения тувинского языка непонятна, а в старописьменном монгольском ‘мальчик, отрок, сын’).

Так, многокомпонентное собственное имя главного персонажа представлено в эпических текстах как богатырское имя и употребляется как одно из средств выражения высокого стиля в тексте.

Сравнительный анализ указанных антропонимов и топонимов с антропонимами и топонимами показывает, что в тувинских текстах встречаются собственные имена, компоненты которых были заимствованы из монгольского эпоса. Такими компонентами оказались лексемы *агбай* ‘господин, госпожа’, *даңгына* ‘принцесса’, *ноян* ‘правитель’, употребляющиеся в качестве титула персонажа.

Название титула *каган* ~ *хаан* ~ *хан* ~ *қан* ‘правитель’ является обязательным компонентом в собственном имени главного персонажа во всех рассматриваемых текстах, принадлежащих тюркским языкам Южной Сибири, а также монгольским текстам. В тувинских героических сказаниях титул *хаан*, как правило, используется в качестве второго компонента сложного имени только мужского персонажа. В хакасском эпосе *хан* употребляется в составе личного имени как мужского, так и женского персонажей и является подвижным, то есть позиционно не фиксирован: *Адаңмынаң Алып Хан Хыс*, / *Адайың-хузың хогдырып*, / *Аңнап-хустап парчазар ба*, / *Алып-күлиңни хогдырып?* (Ай-Хуучин, 118) ‘Дочь отца своего Алып-Хан-Хыс, / Собак, птиц своих с собой прихватив, / Богатырей-храбрецов с собой взяв, / на охоту вы вместе едете?’.

Подвижность титула в богатырском имени обнаружена также в алтайском и шорском эпосах: алт. *Кан-Алтын*, *Кан-Дьерен*,

Кан-Капиукай, Кан-Кёкюлен; хак. Ай Хан, Хан Тибет, Алып-Хыс-Хан; шор. Кан Алып, Кан Перген, Кара Кан.

Таблица 1. Титулы в многокомпонентных именах собственных персонажей в эпических произведениях южносибирских тюркских народов

Название титула	Женские				Мужские			
	Тув.	Алт.	Хак.	Шор.	Тув.	Алт.	Хак.	Шор.
<i>Авыгай</i> ‘жена, супруга’	+	+	+	+	-	-	-	-
<i>Авыкай</i> ‘дочь князя’, ‘госпожа’	+	+	+	+	-	-	-	-
<i>Агбай</i> ‘пожилая женщина, жена’	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>Даңгына</i> ‘дочь хана’	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>Кадын</i> ‘госпожа, жена хана’	+	+	+	+	-	-	-	-
<i>Хаан</i> ‘хан, правитель, повелитель’	-	-	+	-	+	+	+	+
<i>Каган</i> ‘каган, верховный правитель, главный хан’	-	-	-	-	+	+	+	+
<i>Тажы</i> ‘сын хана, сын повелителя’	-	-	-	-	+	+	+	+
<i>Ноян</i> ‘нойон, князь, правитель’	-	-	-	-	+	-	-	-
<i>Алып</i> ‘богатырь, герой, витязь’	-	-	-	-	-	-	+	+
<i>Маадыр</i> ‘герой, геройский’	-	-	-	-	+	+	+	+
<i>Мерген</i> ‘меткий стрелок’	-	-	-	-	+	+	+	+

<i>Мерген</i> 'мудрый'	-	-	-	-	+	-	-	-
<i>Хулук</i> 'именитый, удалой'	-	-	-	-	+	-	-	-

Примечание: знак «+» указывает на наличие титула в составе имен собственных, знак «-» – на отсутствие титула в составе многокомпонентных имен

Титул *каган* в препозиции отмечен только в одном в тувинском тексте «Хаан-Караңгай», что не характерно для собственных имен в ТГС. Это обстоятельство и ряд других особенностей языка данного текста дают основание предположить о его монгольском происхождении.

Второй характерной для ГС лексической группой являются вымышленные топонимы. Наиболее часто употребляются созвучные с названиями реальных географических объектов топонимы *Алтай* и *Сут-Хол*. При этом название *Сут-Хөл* и *Сумбер-Уула* обнаруживаются только в начале текста в составе временной полипредикативной конструкции, указывающей на далекое время: *Сүт-Хөл шалбаа турар шаг=да* / *Сүмбер-Уула тей турар шаг=да* / *Ирт-сергениң мыйызы ирп-дужуп* / *Шары-буганың мыйызы чарлып чаптап* / *Турар шагда чүвең иргин* 'Было в то время, когда / Озеро Сют-Хол было лужицей / Гора Сумбер-Уула была сопкой / Рога валуха отваливались / Рога быка растрескивались'.

Гора *Сумбер-Уула*, по поверьям тувинцев, находится в глубинах *Сүт-Хөля*. Эпические озеро и гора не связаны с горной и водной стихиями, они обозначают в текстах ТГС временное пространство, что привлекает внимание слушателей к действиям другого мира; а гора *Сумбер-Уула* к тому же имеет мифологическую семантику.

Вымышленные топонимы по своей структуре являются многокомпонентными. В качестве второго компонента сложных топонимов встречаются названия элементов горного ландшафта, выражающиеся лексемами *тей* 'холм, сопка', *даг* 'гора', *таңды* 'горы', *тайга* 'тайга'.

Сравнительный анализ топонимов показывает, что в составе сложных топонимов во всех рассматриваемых сказаниях преобладают названия цветов *кара* и *ак*. Цвет *кара* 'черный' в них передает значения 'богатый', 'прозрачный, чистый', 'могучий,

могущественный’, а цветовая лексема *ак* ‘белый’ во всех текстах выражает значение ‘священный’, ‘чистый’. Также цвета в составе сложных топонимов имеют пространственное значение, обозначающие стороны света.

В составе сложных топонимов в алтайском, хакасском и шорском текстах употребляется слово *алтын* ‘золотой’, передающее значение ‘богатое, благородное место’. Данное слово не обнаружено в топонимах в тувинских сказаниях.

В тувинских текстах в сложных гидронимах в качестве второго компонента используется топоформант *хем* ‘река’, а в алтайском, хакасском и шорском текстах используются *талай* ‘море’ и *суз* ‘река, вода’.

Так, под влиянием монгольской культуры, в том числе активное заимствование образцов монгольского фольклора привело к тому, что в структуре собственных имен персонажей ТГС имеется заимствованная лексика, чем отличаются тувинские тексты от текстов героических сказаний других тюркоязычных южносибирских народов.

Обязательным элементом в языке ТГС является употребление в нем военной лексики.

Группу военной лексики во всех текстах сказаний тюркских народов Южной Сибири составляют названия: 1) орудий стрельбы и снарядов, среди которых основными являются *ок* ‘стрела’, ‘пуля’, *согун* ‘стрела’. К этой группе относятся названия разновидностей стрел: *сырыглыг ок* ‘свистящая стрела’, *хожуула* ‘каленая стрела’, *кайбы* ~ *кайбыр* ~ *хайбыр* ~ *кайбыгыр* ‘боевая стрела’ и название разновидности лука *кызытта* ‘вид лука’; 2) детали лука: *текпе* ‘зарубка’; 3) деталей стрелы: *сыйда* ‘острый наконечник стрелы’, *казыдак* ‘острый металлический наконечник стрелы’, *кес* ‘прорезь (у стрелы)’; 4) футляра для лука и стрел: *саадак* ‘колчан’; 5) натальной брони: *куяк* ‘панцирь’; 6) колющего, режущего и тяжелого оружия: *хылыш* ‘сабля’, *үлдү* ‘меч, сабля’, *мези* ‘меч, лезвие, топор’, *моң* ‘дубина’; 7) материалов, из которых сделаны оружия: *кадан болут* ‘закаленный сталь’, *кавынды* ‘рожок, наполненный порохом и свинцом для быстрого заряжания ружья, средство для быстрой стрельбы’.

В результате сравнения выявлено, что характерные для тувинских текстов названия следующих военных орудий не

обнаружены в алтайском, хакасском и шорском текстах: разновидности стрел *хожуула* ‘каленая стрела’ и *кайбы* ‘боевая стрела’; название вида лука *кызытна* ‘лук’; названия 2 тяжелых оружий *мези* ‘сабля’, *моң* ‘дубина’. Следует отметить, что слова *мези* ‘сабля’, *моң* ‘дубина’ были обнаружены в тувинских текстах, заимствованных из монгольского эпоса.

Таблица 2. Названия стрел в героических сказаниях

Тувинский	Алтайский	Хакасский	Шорский
<i>Созун</i> ‘стрела’			
<i>Ок</i> ‘стрела’	<i>Ок</i> ‘стрела’	<i>Ух</i> ‘стрела’	<i>Оқ</i> ‘стрела’
<i>Хожуула</i> ‘каленая стрела’			
<i>Кайбы</i> ‘боевая стрела’			
<i>Сырыглыг ок</i> ‘свистящая стрела’		<i>Сырлап иткен сыр</i> ‘стрела со свистом’	
<i>Кызытна</i> ‘вид лука’			
	<i>Мултук</i> ‘ружье’		

Так, в корпусе текстов ТГС отмечены произведения, содержащие собственные имена с непрозрачной семантикой и названия военного оружия, не обнаруженные в сказаниях тюркоязычных народов Южной Сибири. Их мы склонны относить к заимствованным монгольским текстам. Таковыми являются тексты «Алдын-Чаагай», «Алдын-Кургулдай», «Хаан-Караңгай», «Анан-Даваа», «Найгы-Майгы маадыр». Тексты сказаний «Анан-Даваа», «Алдын-Кургулдай» являются более поздними и возможно заимствованными из репертуара монгольских сказителей. Тексты «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», «Мөгө-Шагаан-Тоолай» как результат напластований различных этапов развития ТГС. А текст сказания «Хаан Караңгай» является устным кратким изложением известного монгольского героического эпоса «Эрийн сайн Хан Харангуй». В репертуаре сказителей Алтая, возможно, заимствованным или подверженным монгольскому влиянию является текст сказания «Алтай-Буучай». Данный текст имеется также у тувинцев и у монгол.

В главе 3 «Особенности структуры текста тувинских героических сказаний» рассматриваются клише в описании пространства, времени и внешности главного героя в тувинских текстах; проводится сравнительный анализ зачина и концовки ТГС со сказаниями алтайского, хакасского и шорского народов.

В описании пространства в текстах ТГС наиболее ярко представлены 5 концептуальных признаков «родина», «жилище», «стороны света», «природные объекты», «движение». Самым частотным по употреблению, как во всех текстах, так и в рамках одного текста является клише, в составе которого использована лексема *хову* 'степь'. Использование данного клише с высокой частотностью объясняется традиционным занятием как кочевое скотоводство, для которого важным является степной ландшафт местности, так и место выпаса мелкого рогатого скота – основного вида домашнего животного.

Клише, выражающие время. В тувинских текстах временное значение клише передается с помощью аффикса местного падежа =*да* и аналитической скрепы *шагда* 'в то время': *Эртен=ги=ниң эртезин=де*, / *Бурунгунуң мурнун=да* 'давным давно, раньше раннего', имеющая в 4 текстах следующий вариант: *Эрте=ги=ниң эртезинде*, *Бурунгунуң мурнунда* 'давным давно, раньше раннего', однако значение клише не изменяется.

Скрепа *шагда* 'в то время', входящая в структуру клише, передает значение одновременности: *Сүт-Хөл шалбаа*, / *Сумбер-Уула тей турар шагда* 'Когда озеро Сют-Хол было лужицей, гора Сумбер-Уула была сопкой'. Особенность указанной аналитической скрепы в том, что она в 2 текстах принимает форму *ша=а=н=да*, где на месте выпадения сонорного *г* между гласной основы и аффикса принадлежности 3 лица =*ы*, произошло стяжение и полная ассимиляция гласных и образовался долгий гласный на стыке морфем: *Сумбер-Уула тей турар шаанда* 'Когда гора Сумбер-Уула была сопкой'. Здесь значение клише не изменяется.

В алтайских сказаниях значение времени передается с помощью клише, в состав которого входят скрепы *ой=дө* 'в то время', *тушта* 'когда': *Эрте-эрте, жебрен ой=дө* / *Эмди пистер жок тушта* 'В раннее-раннее, древнее время, / Когда нас, теперешних, не было...'.

В хакасском эпосе временное значение клише передается с помощью послелого *соонда* ‘после того как’: *Чир настан пүткен соонда, / Чис-пагырлар табыл турган тус полган* ‘После того как впервые земля сотворилась, / Было время, когда находили куски красной меди’.

Подобное образование клише мы обнаруживаем и в шорском эпосе, где главными показателями времени являются послелог *соонда* ‘после того как’ и аффикс местного падежа =*да*: *Пурун, пурун полган полтур – / Амдыгының алында, / Пурунгуңуң соонда* ‘Давным давно тому назад – / Нынешнего прежде, / Прежнего после’.

Так, обнаруженные сходства в образовании клише, выражающих время, обусловлены генетическим родством языков.

Клише, использующиеся в описании внешности главного персонажа, 1) характеризуют физическую мощь героя: *эргектиг чүве эннежир арга чок / эринниг чүве чугаалажып болбас* букв. ‘не сможет равняться [главному герою] человек с большим пальцем, человек со ртом не сможет разговаривать [с главным героем]’; *шенектигге шелдирбейн, майыктыгга бастырбайн* ‘не дающий выдернуть тому, кто с локтем, не дающий победить себя тому, кто со стопой’; *арынныг эр удур көрүп болбаан / арынныг эр удур көрбес* ‘не сможет посмотреть прямо в лицо мужчина с лицом / не видящий прямо в лицо мужчина с лицом’; 2) описывают одежду: *кара киш кежи бөрт* ‘черная шапка из собольиной шкуры’, *кара дордум кур* ‘черный шелковый пояс’, *кара саар идик* ‘черная юфтевая обувь’.

В различных текстах эти клише могут иметь варианты. Например, при описании шапки главного героя находим 6 вариантов основного клише, из них только в 2 случаях материал шапки из бобра и из золота, в остальных отличается количеством или дополнительными украшениями.

Таблица 3. Клише и их варианты, описывающие шапку главного героя в ТГС

Клише	Тексты
<i>кара киш кежи бөрт</i> ‘черная шапка из кожи соболя’	В 28 текстах (или в 74 %)
<i>кара киш кежинден кылган бөрт</i> ‘шапка, сшитая из кожи черного соболя’	Далай-Бизен-Хаан (2,6%)

<i>карактыг, одагалыг кара киши кежи бөрт</i> ‘черная шапка с бусинами из кожи соболя’	Мөге Шаган-Тоолай; Танаа-Херел (5,2 %)
<i>чус кара киши кежи бөрт</i> ‘черная шапка из кожи стоа соболей’	Ары-Хаан; Карыш-Кулаш хаайлыг Калчан-Шилги аъттыг Күре-Хевек (5,2%)
<i>кара минчи бөрт</i> ‘черная шапка из меха бобра’	Хан-Шилги аъттыг Хан-Хүлүк (2,6%)
<i>чус киши кежи бөрт</i> ‘черная шапка из кожи ста соболей’	Алдай-Буучу (2,6 %)
<i>алдын чыжыр овадай</i> букв. ‘слишком золотая шапка’	Эрине-Мерген (2,6%)

По сравнению с тувинскими текстами в алтайском эпосе для описания одежды используются клише, характеризующие пуговицу, шапку, пояс, верхнюю одежду: *Алтан алты ай жаркынду, / алтын тана ну топчылу* ‘С шестьюдесятью шестью яркими, как луна, / Золотыми перламутровыми пуговицами’; *Күнге түней бу чолмонду / Күлер алтын кур* ‘С солнцеподобной звездой / Бронзово-золотой пояс’; *Айга түней бу чолмонду / Алтын күлер бу бөрүг* ‘Шапка с луноподобной звездой / Украшенная золотом и бронзой’; *Алтан сегис бу капылду / Алтын сопок* ‘С каблуком в шестьдесят восемь слоев / Золотая обувь’.

В шорском эпосе часто используется клише, описывающее верхнюю одежду и сапоги, имеющие свои варианты: *Одус қат қара шойун сапог* ‘Тридцатислойные чугунные сапоги’; *Одус қат сапог* ‘Девятислойный сапог’. *Қара шойун сапог* ‘Черные чугунные сапоги’. Верхняя одежда героя представлена следующим словосочетанием: *Капчагай тон* ‘Шуба’. В последнем примере словосочетание является названием одного из видов верхней национальной одежды шорцев.

В хакасских текстах подробное описание одежды героя, как у вышеуказанных народов, не обнаруживается, кроме военной одежды *хуях* ‘панцирь’: *Он ікі чарых тас мархалыг / Тынныг, ах хуус хуях* ‘С двенадцатью светлокаменными пуговицами / Живой, износа не знающий, белый панцирь’.

В целом, описание военной одежды *кюак* ‘панцирь’ в тувинских текстах редко встречается, в нашем случае, только в 5 текстах из 38 и употребляется в качестве компонента сложного слова *хөө-кюак* букв. ‘кольчуга-панцирь’.

Клише в описании внешности героя в сопоставлении со сравнениями в героических сказаниях южносибирских тюркских народов. Для описания внешности героя во всех рассматриваемых текстах используются сравнения, ставшие клише.

В тувинском языке показателем сравнительной конструкции являются послелог *дег*, *ышкаш*; алт. *кеберлү*, *ошкош*; хак. *чили*, *осхас*; шор. *шени*. Морфологическими показателями сравнений являются в тув. вспомогательный глагол *бол=ган* (его различные формы), алт. *=дый* (его варианты), шор. *=дыг*.

Внешность главного героя передается описанием части тела и части лица персонажа. Тело как предмет сравнения не обнаруживается в тувинском и шорском текстах. А в алтайском и хакасском текстах эталоном для его сравнения выступают драгоценные металлы: *алтын* ‘золото’ и *күмүс* ‘серебро’: *көбүркий пойы су-алтындый паатыр-кыс* ‘Сама милая, будто вся из золота, дева-богатырка’; хак. тело – *күмүс* ‘серебро’: *күмүс осхас сөддү / күнге сустал чададыр* ‘Тело его, серебру подобное / Под солнцем светилось’.

Эталоном для сравнения лица человека в алтайских, хакасских и шорских текстах используются лексемы, связанные с названиями объектов и явлений окружающей среды (природы). В алтайском эпосе эталонами являются лексемы, обозначающие небесные светила, животные, драгоценные металлы, растения: алт. лицо – луна: *толун айдый эм чырайлу* ‘Лицо ее – круглая луна’; лицо – радуга: *солонгыдый бүдүштү болтыр* ‘Подобны радуге их лица’; лицо – маральник: *кысыл марал ну чырайлу* ‘Лицо ее как красный маральник’.

В хакасском эпосе эталоном для сравнения используются лексемы, относящиеся к небесным светилам: хак. лицо – солнце: *сыгар күннен сыныхча* ‘Она прекрасна, как восходящее солнце’; лицо – солнце и луна: *арыг, сіліг Ай Хуучын / Ай чили чарып / Күн чили палаңнап* ‘Прекрасная Ай-Хуучин / Светится, как луна / Сияет, как солнце’.

По сравнению с тувинскими, хакасскими, шорскими текстами, в алтайских сказаниях при описании лица употребляется выражение *эки көстинг ортозына*, обозначающее участок между бровями, где эталоном для сравнения является слово *Алтай*. *Алтай* – название горы и сравнение данного участка с Алтаем

используется для усиления семантики данного выражения: *Эки кӧстин ортозына / Айан-тепсен јер-алтай кӧрӱлет* ‘Середина между двумя его глазами / Таким огромным Алтаем кажется’.

Тувинские тексты отличаются от остальных сказаний южносибирских народов тем, что в качестве эталонов для сравнения рта и губ персонажа могут использоваться буддийские термины: верхняя губа ротовой полости – священная книга: *устуу эрнин шинчиирге / узук-ом-биле буткен* ‘когда изучал верхнюю губу / она была похожа на священную книгу’; нижняя губа рта – буква «А»: *алдыы эрнин шинчилээрге / «А» үжук-биле буткен* букв. ‘когда изучал нижнюю губу / она была похожа на букву «А»’.

Подобные сравнения с использованием буддийских атрибутов мы обнаруживаем в текстах монгольского героического эпоса. При сравнении зубов главного героя используется *эреге* ‘чѣтки’: *Эрниң экизи Хан-Харангуй тура, / Элдесинип каттыра каапкаш, / Эреге дег ак диштерин ырзайткылааш* ‘Храбрый из мужчин Хан-Харангуй / Удивившись, улыбнувшись, / Показал свои белые как чѣтки зубы’. В тувинском тексте обнаруживаются сравнения, где предметами сравнения являются *кежеге* ‘коса’: *кежегези чүктүг кара буура дег* букв. ‘его коса как верблюд-производитель с грузом’ (*кежеге* – название мужской прически) и *диш* ‘зуб / зубы’: *туң дег ак диш* ‘белые зубы как морская раковина’ (*туң* – используется как музыкальный инструмент во время проведения буддийского обряда Цам), которые не встречаются в сказаниях алтайского, хакасского и шорского народов. Данные сравнения также сближают тувинские тексты с монгольским эпосом. В монгольском эпосе зуб сравнивается либо с лопатой, либо четками (атрибут буддизма): *хүүрек ышкаш диш* ‘зубы как лопата’, *эреге дег диш* ‘зубы как чѣтки’.

Таким образом, для ТГС характерно развернутое описание портрета героя, которое сближает тувинских текстов с текстами монгольского эпоса. В остальных южносибирских текстах в качестве объектов сравнения используются руки и шея, а в качестве эталонов сравнения выступают лексемы, называющие предметы и явления окружающей среды, в частности, объекты природы.

Особую структуру имеют зачин и концовка текстов, как наиболее характерные черты героических сказаний. Этим тексты ТГС отличаются от других сказочных жанров.

Зачин в текстах героических сказаний имеет свою структуру и оформляется как сложная синтаксическая структура – период, в состав которого входят предложения, представляющие собой синтаксический параллелизм.

Текст ТГС начинается со слов *шыяан* или к нему может присоединиться частица *ам*. Слушатели могут ему вторить «*шыята!*». Совершенно очевидно, что оба слова происходят из одного корня, который в современном тувинском языке утрачен и данные междометия используются только в фольклорных текстах.

Далее за ним идет зачин, указывающий на время, когда происходили события, описываемые в сказании. Поэтому они имеют структуру периода (сложного синтаксического целого), состоящее из параллельных синтаксических конструкций, которые отличаются лексическим наполнением и обязательно передающие значение времени.

По сравнению с тувинским текстом, структура зачина алтайского эпоса более сложна, в ней присутствует текст высокого стиля – Хвала Алтаю. Подобный предваряющий текст *Алтайга мактал* ‘Хвала Алтаю’ встречается в эпических произведениях этнических тувинцев (этнические тувинцы, носители алтайского диалекта тувинского языка, проживающие в Монголии и Китае) и урянхайцев, этнической группы монгол в Западной Монголии. Хвалебный текст в зачине героических сказаний не был обнаружен у российских тувинцев, хакасов и шорцев.

В этом отношении четко прорисовывается два ареала у народов, населяющих центрально-азиатский регион: 1) Западная Монголия и Алтай; 2) Тува, Хакасия и Шория.

Концовка тувинских текстов строится по стандартной схеме, которая имеет 3 основных момента: 1). однородные обстоятельства образа действия, выраженное деепричастным оборотом, возглавляемый общетюркской формой на =*n*, которая выражает значение одновременности множества действий: *дөң черге өөн хондуруп* ‘На возвышенности юрту-свою поставив’ / *дөлем черге малын чалап* ‘на возвышенное место скот-свой пригласив’; 2). клише, представляющее собой параллельные синтаксические конструкции: *оюн оя*, / *чигин чире* / *чурттап чоруу барып-тыр* пробились ложбины, появились лощинки’ (букв. ‘углубляя ложбины, прорезая лощинки жить ушли ведь’); 3). присутствует

междометное слово *оо*, как завершающая часть текста. Оно произносится восходящей интонацией и достаточно протяжно, что является сигналом завершения сказки.

Концовка героических сказаний рассматриваемых народов показывает, что тексты алтайцев и шорцев имеют схожие элементы. Так, концовка в них начинается с описания главного персонажа: алт. *Паатыр кызым Очы-Бала / Тенгериде сегистү ай полгон, тежет* ‘Луна восьмого дня новолуния – / Это богатырка, дочь моя Очи-Бала говорят’; шор. *Кайранда Алтын Сырык полза / Четтон ашкым алтын тайгааң төзүнде / Ызүлерде тыны чок / Төгүлерде кан чок* ‘Славный Алтын Сырык, действительно / У подножья золотой горы с семьюдесятью перевалами – / Дыхание его не прервется / Кровь его не прольется’

Сказуемые в концовке героических сказаний тюркоязычных народов Южной Сибири выражены разными формами: в тувинском преобладает форма на =*n-тыр* в сочетании с частицами *иргин, иргин ийин, эвеспе, эвеспе оң, чүвең иргин, чүвең иргин ийин*, в алтайском и шорском на =*ды*, в хакасском на =*ган*. Если в тувинском и хакасском текстах в концовке говорящий пересказывает о событиях в прошедшем, то в алтайском и шорском говорящий передает те события, в которых он сам принимал участие или же сам был свидетелем. Концовка алтайского эпоса отличается от других эпосов тем, что в ее структуре имеются выражения, семантика которых выражают желания, связанные с побуждением совершения добрых целей.

В Заключении подведены итоги проведенного исследования:

Несмотря на общие закономерности построения текста сказаний тюрко-монгольских народов, каждый язык выработал только свойственные ему языковые средства выразительности, характерные для текстов данного жанра фольклора. Они отличаются собственным набором стандартных фраз и их лексическим наполнением. В свою очередь лексическое наполнение часто зависит от культурных традиций народа, отражающие этнографическую реальность в их образе жизни.

Публикации по теме исследования

Статьи в журналах из перечня, утвержденного ВАК

1. *Ондар М. В.* Стандарты, отражающие время, в тувинских героических сказаниях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. - № 1 (67): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 157-163.
2. *Ондар М. В.* Стандарты, отражающие пространство в текстах тувинского героического эпоса // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск: Редакция международного научного журнала «Мир науки, культур, образования», 2017. - № 6 (67). – С. 553-556.
3. *Ондар М. В., Кошкендей И. М., Хомушку Ч. О.* Топонимы в фольклоре тувинцев (на материале героического эпоса и народных песен) // Новые исследования Тувы. 2018, № 3. – С. 53-69.
4. *Ондар М. В.* Особенности структур зачина и концовки в текстах тувинского героического эпоса // Мир науки, культуры, образования: Редакция международного научного журнала «Мир науки, культуры, образования». – Горно-Алтайск, 2019. - № 5 (78). – С. 365-367.

Авторские свидетельства,
приравненные к публикациям в журналах ВАК

1. *Ондар М. В., Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Монгуш Ч. М.* База данных «Тувинские героические сказания». Свидетельство №2017620090 от 19.01.2017 г. Федеральной службы по интеллектуальной собственности.
2. *Ондар М. В., Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Монгуш Ч. М.* База данных «Клише и стандарты в текстах тувинских героических сказаниях». Свидетельство №2017620024 от 10.01.2017 г. Федеральной службы по интеллектуальной собственности.
3. *Ондар М. В., Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М.* База данных «Антропонимы в тувинском героическом эпосе». Свидетельство №2018621622 от 18.10.2018 г. Федеральной службы по интеллектуальной собственности.

Публикации в других научных изданиях

4. *Ондар М. В.* База данных текстов тувинского героического эпоса: первый этап // Новые исследования Тувы, 2016. - № 4. Режим доступа: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/616>
5. *Ондар М. В.* Клише для обозначения времени в зачине тувинского героического эпоса // Сборник материалов VII ежегодной научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых ТувГУ, посвященной Году гостеприимства в Республике Тыва. – Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2017. – С. 22-23.
6. *Ондар М. В., Монгуш Ч. М.* База данных и средства создания контекстов для представления и анализа тувинского героического эпоса // Программные продукты, системы и алгоритмы. – 2017. - № 3. – 1-6. (ISSN 2311-6749). Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29937054>
7. *Ондар М. В.* Личные имена персонажей тувинского героического эпоса // Сборник материалов Международной научной конференции «Современные этнические процессы и тенденции в Центральной Азии и Монголии». – Улаанбаатар, 2018. – С. 134-137.

Сокращения

алт. – алтайский язык
хак. – хакасский язык
монг. – монгольский язык
тув. – тувинский язык
ТГЭ – тувинский героический эпос
шор – шорский язык